

(заставка)

Алла Маллабиу: Привет, я Алла Маллабиу.

Зоя Бойцева: Я – Зоя Бойцева.

Алла Маллабиу: Мы – основатели организации «Я тебя слышу», и мы работаем для того, чтобы люди с нарушенным слухом чувствовали себя уверенно и комфортно в обществе, а все остальные не теряли слух по причинам, которые можно предотвратить.

Зоя Бойцева: Наш подкаст «Не понаслышке» – это 11 выпусков, которые охватывают основные темы, волнующие родителей и детей с нарушенным слухом, от диагноза и причин потери слуха, до примеров успешных слабослышащих молодых людей.

(заставка)

Надежда: Я помню, что практически сразу у меня застучало в висках, кровь прилила и слезы брызнули. Я толком ничего не слышала, потому что в голове у меня случилось вот это: необратимо, необратимо, необратимо...

Мария: Я как бы снова оказалась в темной комнате, где не знаю, где выключатель.

Екатерина: Я помню, что до последнего как-то не верила в сильно тревожный диагноз, потому что у дочери действительно было много реакций.

Анастасия: Я почувствовала, что меня как будто кто-то ударил кулаком в грудь, и я не могу включить режим самосохранения. Я не могу забыть слова врача. Я не могу отмотать время назад. Я не могу забыть этот кабинет. И я ушла словно под воду.

Зоя Бойцева: По статистике 90% глухих детей рождается у слышащих родителей и эта новость оказывается для них настолько шокирующей, что принять ее и переключиться на помощь ребенку получается не у всех. Чтобы разобраться, как это происходит, мы поговорили с Верой Келим.

Вера Келим: Вообще-то я профессиональный психолог, и специализация моя – это детская возрастная психология. То есть законы, закономерности развития ребенка от самого рождения и, на самом деле, до самого взрослого возраста.

Алла Маллабиу: К слову, Вера дала нам интервью в героических обстоятельствах. Из Канады и с ребенком на руках, поэтому не удивляйтесь, если его услышите.

Реакция родителей на то, что ребенок не слышит, сильно зависит от обстоятельств, в которых они слышат это впервые.

Вера Келим: Конечно же, это официально объявляет врач. Но проверка слуха, к сожалению, у нас до сих пор в какие-то обязательные процедуры не входит. Она входит (не кидайтесь в меня тапками), обязательно должен быть скрининг в роддоме. Я его лично своими глазами наблюдали. Но далеко не всегда проходит качественно и

не все обращают на него внимание. И, более того, слух не всегда падает именно от рождения, поэтому в роддоме скрининг может быть вполне благополучный. А дальше никто и нигде вас как бы не заставит и не включит проверку слуха в осмотр ребенка, если вы того не захотите. Поэтому, конечно же, для того, чтобы дойти до врача, который точно скажет, что со слухом точно не так, это перед этим возникнут у вас какие-то тревоги или подозрения. Это вам что-то будет не так, это один вариант. И даже, пожалуй, более частый, когда кто-то другой заметит, что со слухом что-то не так. Чаще всего, это бывают воспитатели в детском саду.

Алла Маллабиу: Вот как об обстоятельствах этого поворотного открытия вспоминает Надя, мама Андрея с сенсоневральной тугоухостью второй степени.

Надежда: Я узнала о диагнозе ребенка, когда мы пошли к сурдологу на обследование, куда нас отправил ЛОР. Я сидела и думала, что вот сейчас, наконец-то, уже мне скажут, в чем же причина того, что такое долгое время никак не помогает ни вибромассаж, ни электрофорез, и вот эта какая-то неопределенность, которая пугала. И вот я думала, наконец-то мне скажут причину, сейчас мне выпишут какие-то таблетки, или сейчас мне назначат какие-то новые процедуры, которые обязательно нам помогут. Я сидела в ожидании вот этой информации того, что нам нужно дальше делать, чтобы слух восстановился.

Когда все обследования закончились, сурдолог поворачивается и говорит: «Это нейросенсорная тугоухость второй степени. Это необратимо». Я помню вот это слово – необратимо. Оно у меня в ушах потом долго стучало. И я говорю: «Я не понимаю, что вы имеете в виду, что значит, необратимо?»

(00:05:18)

Алла Маллабиу: Важно то, что врачи не всегда умело сообщают такие новости, и Вера тоже обратила на это наше внимание.

Вера Келим: Дело в том, что я же не только с родителями работаю. Я последние годы как раз работаю и с врачами с другой стороны этой ситуации, про то, в частности, как сообщать диагноз и про то, как им общаться с родителями, потому что, к сожалению, у нас пока в подготовке врачей специального предмета, как общаться с пациентом, нет. А даже если он и есть, то все равно это очень специфическая ситуация, когда пациент – ребенок, но общаешься-то ты с его родителем. И это для врачей тоже очень непростая бывает ситуация. И, на самом деле, могу сказать, что у врачей очень большой вопрос, как общаться с родителями своих маленьких пациентов. Это очень нелегко.

Надежда: Я настолько не была готова к этой информации. То есть до этого настолько всех врачей, с которыми мы сталкивались, а это было достаточно много людей, и ни разу не было такой версии. Я просто не была к этому готова. Я была уверена, что мне сейчас скажут какое-то лечение. Поэтому я помню, что практически сразу у меня застучало в висках, кровь прилила и слезы брызнули. Было абсолютное непонимание того, как такое может быть? Это какая-то ошибка.

То есть я переспрашивала несколько раз: «Вы уверены? Вы уверены?» И она говорила какими-то терминами, показывала вот эту аудиограмму, но я толком ничего не слышала, потому что в голове у меня стучало вот это вот: необратимо, необратимо,

необратимо. То есть мозг, он настолько не готов был принимать вот эту информацию, что он просто как будто на тот момент захлопнулся.

Зоя Бойцева: С врачебной прямолинейностью и непониманием столкнулась Мария. У ее сына Игоря четвертая степень потери слуха. Мальчик родился здоровым, и даже прошел скрининг на оба уха в роддоме. Он рос, как обычный ребенок. Лепетал, реагировал на звуки. Но в полгода сильно заболел. После этого Мария стала замечать, что ребенок теряет слух, и обратилась за помощью, попросила проверить сына и его слух.

Мария: На что ЛОР покрутил у виска, сказал: «Вы нервная мамаша, идите домой, подлечите нервы, он все слышит». И я думаю: ладно, наверное, мне кажется. Дальше мой ребенок слева уже совсем не поворачивал голову на звуки, справа еще кое-как реагировал. Я продолжала сомневаться, мониторила информацию, как проверить, что делать, ходила по врачам бесконечно и говорила, что, мне кажется, что у ребенка снижается слух.

Но меня все разворачивали, крутили у виска, успокаивали нервы, пока, собственно говоря, я своего ребенка не посадила в стульчик для кормления, поставила старшего впереди, а сама подошла сзади и бахнула крышками от кастрюли. И Игоряша даже не моргнул. Он даже не вздрогнул, никак не отреагировал. И тогда я поняла, что проблема есть, но она еще не оформилась для меня в диагноз.

Так как наши врачи в районной поликлинике не предпринимали никаких действий, я поехала в Морозовскую больницу на консультацию к ЛОРу и, соответственно, на аудиограмму. И вот этот момент, я его помню очень четко даже сейчас. Мы сидим в темной комнате, я, ребенок, врач у монитора. И электроды присоединены, она что-то смотрит, пишет. И вот мы выходим из темной комнаты, и врач мне говорит: «Ваш ребенок глухой, и слуховые аппараты здесь не помогут, только кохлеарная имплантация». И я как будто снова оказалась в темной комнате, где не знаю, где выключатель.

И как бы врачи, они тоже не жалеют нас. Они произносят сухие диагнозы, и мы остаемся с этим ощущением, что ты куда-то погрузился в темноту, и не знаешь, где выключатель найти, чтобы свет включить обратно.

Алла Маллабиу: Но многие предпочли бы, чтобы врачи не тянули резину, не давали ложных надежд, а сразу сообщали все, как есть. Давайте послушаем воспоминания Кати, мамы двухлетней Арины, девочки с двумя кохлеарными имплантами.

Екатерина: Я помню, что я до последнего как-то не верила в сильно тревожный диагноз, потому что у дочери действительно было много реакций. Единственное, что я помню, когда доктор встала, выключив программу КСВП, она сказала, что у вас третья степень сенсоневральной тугоухости, двусторонняя. Это инвалидность, и ни о каком лечении здесь речи идти не может, это просто адаптация к жизни, и это слухопротезирование.

На тот момент эти слова казались просто ужасными. И мне казалось, как можно так сказать? На самом деле, я бесконечно благодарна этому доктору, которая сразу все ложные надежды просто отрубила своей прямолинейностью и настолько сократила

время наших мытарств, каких-то смирений. Я настолько сразу приняла все это на веру, что это побудило к действию. Это первый наш этап.

То есть в шесть месяцев все подтвердилось, а к году дочь оглохла полностью. То есть наступила прогрессия и там уже я была готова. Я стала замечать, действительно, что, несмотря на то, что мы слухопротезировались, что мы начали работать, она не понимает словообраз, и я была уже готова к тому, что у нас прогрессия. Но, конечно, до последнего я надеялась на лучшее. И тогда та же доктор сказала: «Вы правы, слух очень сильно упал, и вам поможет только кохлеарная имплантация». То есть мы планомерно проверили слух в год. И слуховые аппараты мы поносили всего три месяца. У меня было ощущение полной беспомощности и того, что нам все придется начинать сначала, все заново. То есть вся борьба, в которой мы так спешили, изучали аппараты, кучу информации, мы опять возвращались на старт. Это было очень трудно, но мы справились. И я действительно никогда не забуду слова доктора, которая, может быть, своей жесткостью, прямолинейностью сказала то, что мне необходимо было услышать и понять.

(заставка)

Зоя Бойцева: Нам часто кажется, что ситуации, в которых мы оказываемся, и чувства, которые мы испытываем, это что-то совершенно уникальное, и никто больше не проходит по этому пути, только мы. В реальности все, конечно, не так, и многие родители, которые узнают о диагнозе своего ребенка, проходят те же стадии, что и все остальные люди, которые узнают, что в их жизни произошло что-то шокирующее, что-то трагическое. И их первая реакция...

Вера Келим: «Я не верю, это ошибка». Это совершенно нормальная реакция. Она с двух точек зрения нормальная. Она нормальная, во-первых, к сожалению, из-за качества медицины и редкости этого явления. Действительно, большое количество неграмотного тестирования происходит, и вот из-за этого подхода о том, что чего-то там с компьютера вычитали и чего-то мне сказали, и чего-то в руки сунули, то у меня нет отношения к этому, как к очень авторитетному источнику, это раз.

А, во-вторых, это именно психологическая защита. Мы всегда стараемся, наша психика, она старается все-таки жить в реальном мире. И в моем мире, да? Обычного человека, глухоты, ее ведь не существует. Мы же не живем с этим каждый день.

Поэтому, это нормальная такая шоковая реакция о том, что я не верю, этого не может быть. Сразу же едут проверять в другое место. И это нормально. И, более того, я считаю, и не только я считаю, что это правильно.

И многие врачи, которые как раз находятся на этом первом фронте, которые вынуждены сообщать диагноз родителям, они вообще к этому очень спокойно относятся. Они прямо в руки дают адреса: «Пожалуйста, вот у нас в городе, или у нас в области есть вот такие-то места, вы можете тоже туда съездить и проверить эти данные. И мне, как специалисту, будет спокойнее, и вы тоже в этом убедитесь». Это нормальная человеческая реакция. И поскольку она, на мой взгляд, ничего вредного не несет, а несет только полезное, потому что ты можешь действительно собрать несколько мнений, которые помогут более точно ребенку подобрать лечение, – прекрасно. Прекрасно.

Алла Маллабиу: Принято считать, что после отрицания люди испытывают гнев и хотят найти виновных.

Вера Келим: У родителей обязательно будет чувство вины и поиск виноватых, – либо родственники, либо врачи, ИВЛ, какие-нибудь лекарства и так далее. И это тоже частичный этап переживания. В психологии это называется переживание кризиса и переживание горя. Это определенный термин, и это специально описанный даже процесс. Он одинаковый во всех странах мира вообще. Не зависит от культуры. То есть здесь какая-то биологическая подоплека есть у этого процесса, как мы переживаем такую ужасную информацию и ужасные события, приходящие к ним в жизнь.

В суд подают на врачей. И я в свое время работала именно с больницами о том, что, давайте будем внимательнее к родителям, и если на вас подают в суд буквально в первые месяцы, первые полгода после того, как случилось получение диагноза и так далее, то, скорее всего, это эмоциональная реакция родителей. Там далеко не всегда есть действительно желание подать в суд и наказать виновных врачей.

И есть еще один довольно тяжелый, на мой психологический взгляд, вариант, это, конечно же, родители винят себя: зачем я летала в самолете, я болела гриппом, я когда-то такая ходила по улице, а там, не знаю, выхлопы были от машин. И, в общем, все, что угодно. Мы же знаем, нам рассказывали, что для беременности все вредно, вот все вспомнила: а я проходила мимо какой-то старушки святой и зла ей пожелала, вот мне отозвалось. Это совершенно естественные и нормальные переживания. Они, к сожалению, сохраняются очень долго, особенно, если это вина к себе. Официально научно у нас потеря слуха мало, с чем связана, но, тем не менее, это есть.

И второе, очень сложное переживание, кроме вины, – это отчаяние. И оно, собственно, приходит чуть позже. Вина – это когда я пытаюсь понять, каким логическим, естественным, нормальным путем в моей жизни могла появиться глухота и потеря слуха у моего ребенка, и когда я понимаю, что она все-таки появилась, то я впадаю в отчаяние. Это нормальная тоже реакция, за что это мне.

В норме каждый период длится очень по-разному. Он бывает от нескольких дней до пары месяцев. И у них есть такая особенность, что в науке это описано, как этапы. Есть сначала вина, потом отчаяние, самое первое отрицание, – все враки. Все враки. Все эти состояния, они сменяются. Они мерцают друг между другом. Просто, скажем так, в каждый период времени какой-то доминирует. Сначала всегда больше отрицания. Конечно же, там много отчаяния, конечно же, там проскакивает сразу вопрос, – а что это за такое? Почему? Кто это виноват в том, что это у моего ребенка? Но больше отрицание. Потом больше вины. Потом будет больше отчаяния и горя.

Зоя Бойцева: Пройти эмоциональные стадии, через которые проходит каждый родитель, вспоминает наша первая героиня Надя.

Надежда: Да, были все пять, возможно, в перемешанном порядке. Возможно, некоторые по несколько раз. Но в принципе, да, началось с отрицания, так как было сложно принять, что невозможно ничего сделать. То есть слово «необратимо», оно звучало страшно и непонятно. Гнев был, конечно. Я злилась на врачей, которые до пяти лет, мы были у нескольких ЛОРов, и ни один из них не говорил нам сделать аудиограмму.

Нам говорили удалять аденоиды, нам сказали, что это тубоотит, все равно не было изменений. И только в пять лет выяснилось, что слух... Потеря слуха необратима. Поэтому, да, конечно, был гнев. Гнев был на врачей, и гнев был на себя. Я винила

себя, что верила врачам, что не стала в этом лучше разбираться, что сама не додумалась, что нужно идти к сурдологу, а не на десятый вибромассаж или на пятнадцатый электрофорез.

Торг. Ну, конечно, он был в голове. В голове было, что я готова на что угодно, только чтобы это изменилось. Я не могу сказать, что была депрессия, но то, что помогло мне в результате перейти к стадии принятия, было, когда я позволила своим чувствам быть. Я помню, что просто я разрыдалась и так упоенно, не знаю, может быть, много лет так не рыдала. И я поняла в тот момент, что я оплакиваю здоровый слух своего ребенка.

И когда я перестала плакать, с тех пор у меня были только мысли о том, что мы со всем справимся. Но то, что я выплеснула эти эмоции, помогло мне с ними справиться, я разрешила им быть, я разрешила себе пожалеть себя. Я разрешила себе нажалеться о том, какая я бедная и несчастная. Я разрешила себя эти чувства. Это было очень важно.

Все-все-все, в чем страшно себе признаться, в том, чтобы ты очень хотел, чтобы твой ребенок был без нарушений слуха, чтобы этого всего не произошло, а этого как бы уже не будет. И когда ты себе разрешаешь это, мне от этого стало легче. Я разрешила себе все-все-все вот эти эмоции, в которых страшно себе признаться. А я призналась себе, выстрадала их, и это помогло принять.

Вера Келим: И в целом, в сумме на все эти этапы и периоды, до момента, когда человек может сказать такую, очень страшную, казалось бы, фразу про то, что, да, это есть в моей жизни, но мы с этим справляемся, и в этом есть много хорошего. Вот люди, которые сейчас это слушают и которым больно, они еще не прошли этот этап, эти все этапы. Обычно, эту фразу можно произнести примерно через год. Иногда прямо люди говорят, что: «Я просыпаюсь, и понимаю, что – нормально, о'кей. Мы справились».

Примерно это год. Если больше полутора лет, то там я, как психолог, уже начинаю волноваться за родителей, и при желании разбираться, мы ищем, что мешает пройти организму дальше. И здесь, в хорошем и грамотном варианте хотелось бы, чтобы рядом был психолог. В нашей стране с этим дефицит. Я, например, работаю, мне обычно через социальные сети пишут люди вообще со всей страны, неважно, из больших городов или маленьких деревень, узнающие про меня совершенно случайно. И что самое обидное, зачем писать из Владивостока, ведь во Владивостоке наверняка тоже есть психологи. Но, к сожалению, это такая редкая область, и психологическая грамотность у нас в стране настолько низкая, что люди со всем этим сидят одни.
(заставка)

Зоя Бойцева: Вот мы и подошли к самому главному. Родителям тоже нужна помощь, и вопреки распространенному мнению, обратиться за помощью – это не признак слабости, а признак силы, потому что признать, что у тебя есть проблемы и пойти к психологу, это совсем не просто. Давайте послушаем, как об этом решении рассказывает Анастасия, мама девочки Ани с сенсоневральной тугоухостью третьей степени.

Анастасия: Через пару месяцев нахождения под водой, я поняла, что, либо я утону, либо мне нужно всплывать, и мне необходима помощь психолога. Мне нужна помощь

человека со стороны. Так, в общем, и началась моя работа с психологом. И начался процесс принятия этого диагноза у ребенка.

Первое, наверное, что я сделала, это, помимо работы с психологом, я зарегистрировалась на сайте людей со сниженным слухом. По-моему, форум глухих, он называется. И я изучила вот буквально все темы, все ветки, кто такие люди, как они живут, чем они живут. Я, на удивление, поняла, что это люди, у которых прекрасная письменная речь. У большинства из них хорошее образование. Они учились в массовых школах, у них есть семьи. В общем-то, возможно, даже они счастливее, чем я.

Вера Келим: Действительно, к психологу попадают минимум, и я как раз очень много работаю с больницами и с врачами о том, что, ребят, он просто должен быть в команде. Он просто должен быть. Потому что у родителей, естественно, в такой ситуации самое последнее в голову придет о том, что мне нужен психолог. Еще ребенку – куда ни шло, но про себя вспоминают, естественно, в последний момент, а многие вообще не вспоминают.

Есть очень большой вопрос со всеми этими диагнозами, и он касается не только потери слуха, но и всего, что касается здоровья ребенка, что у нас в стране это нехорошо. И огромное количество семей, ладно, друзьям не рассказывают, – они и родным не рассказывают о том, что происходит в семье. То есть они остаются опять же один на один с этим всем. И здесь я советую найти тоже хоть кого-то, с кем можно поделиться, и кто скажет: «Я тебя понимаю». Поэтому родительские группы поддержки, или просто другой родитель, который про это знает, которому можно позвонить, поговорить, оно помогает.

Мне многие родители рассказывают, что иногда им в больнице легче, чем в реальной жизни, потому что в больнице все знают про диагноз, все такие же, и эмоционально это намного легче, чем когда ты выходишь в реальный мир и понимаешь, что ты там такой изгой. Это раз.

Два, что советую, вообще давать себе время на эти переживания. Именно в истории с детьми есть такая сложная вещь о том, что мы же бежим в это время с ребенком заниматься. Мы же такие позитивные, побежали-побежали, спасли и так далее. Мы вообще просто на себя не обращаем внимания. Поэтому возможность вечером, когда ребенок уснул, полчаса посидеть и просто подумать о том, как мне плохо, грустно и печально в этом всем, и просто пожалеть самому себя, она тоже помогает.

И есть еще одна рекомендация, на мой взгляд, для родителей важная. Они про нее не знаю. Это вообще про восстановление ресурса, что когда у нас с ребенком что-то происходит, мы вообще про себя забываем. И, на самом деле, это опасная ситуация, потому что мы лишаем себя ресурса. Мы не спим, не едим, не работаем. Мы бросаем все хобби, это очень опасно, потому что это истощает личный ресурс родителя, и в итоге, мы вообще не имеем сил ни для себя, ни для ребенка на самые обычные дела. Поэтому элементарные дурацкие призывы о том, что, пожалуйста, спите, ешьте, оставляйте своего несчастного редкого ребенка няне, бабушке, подруге, но надо выйти в кино, на маникюр. Или вот я, например, на работу выхожу, чтобы отдохнуть и восстановиться, – это работает. Это очень важно. У нас в стране принято загоняться, и очень важно это не забывать.

(заставка)

Зоя Бойцева: Как обычно, в конце выпуска мы спросили у наших героев: нарушение слуха у ребенка, это страшно? Делится Анастасия.

Анастасия: Страшно иметь ребенка с нарушением слуха. Вы знаете, наверное, не страшнее, чем иметь обычного ребенка. Это те же совершенно проблемы, те же потерянные шапки, разбросанные ботинки у входа, Lego, не знаю, слезы, какое-то плохое настроение. И плюс, вдобавок, конечно, логопед. С логопедом мы занимаемся уже четыре года. В этом году моя дочь пошла в первый класс массовой школы. Единственное, что, какое правило у нас в семье существует, это когда ты идешь в душ, ты снимаешь уши, – это нормально. Остальное мы не скрываем. Девочка наша носит высокие прически. Мы ни от кого не скрываем наши слуховые аппараты. В общем-то, со стороны сверстников никаких вопросов никогда не возникало: «А что это у вас? А я хочу такие же». Это обычный ребенок.

За четыре года, в общем-то, мы пришли в норму. Мы не отличаемся от наших сверстников. Девочка наша неплохо говорит. Она учится в музыкальной школе, рассказывает стихи артистично достаточно. И, вообще, такая забавная, как мне кажется, конечно, как матери. Поэтому я хочу сказать всем родителям, которые сейчас находятся на пути принятия этого диагноза, не нужно бояться, не нужно раскисать, – это все поправимо. И настолько быстро поправимо, что через какой-то, буквально непродолжительный отрезок времени, вы увидите своего ребенка совершенно другим. Ваш ребенок будет совершенно такой же, как ваши старшие дети, как ваши соседские дети. И потратьте лучше свои эмоции не на слезы и разочарование в жизни, а на время, проведенное с ребенком.

Алла Маллабиу: А вот что говорит Дарья, мама пятилетней Саши с нарушенным слухом.

Дарья: Почему мы все боимся показать свои слуховые аппараты и своих тугоухих детей? Я тоже боялась сначала. Мне было очень страшно, что скажут люди. Вот это – что скажут люди? – Это то, что в нас вбили родители в Советском Союзе. Про то, что нужно быть такими, как все и носить одинаковые сандалии, и всем вместе пить газированную воду из одного автомата. А сейчас мир, он совершенно другой. Сейчас ты не должен быть, как все. Сейчас, чем больше ты отличаешься, тем круче. Я знаю миллионы примеров, когда люди на своей особенности заработали и денег, и славу, и чувствуют себя гораздо лучше, чем обычные люди с ушами, со слухом. Не нужно этого бояться. Просто поймите, что в какой-то момент все равно, что скажут люди. Мнений может быть тысячи. Вопрос, – как вы к этому относитесь, и как вы себя позиционируете.

Если всегда говорить о том, что: «Да, вот мой ребенок бедный, у нас же слух...» А если говорит: «Да, у нас нарушение слуха, и что?» То здесь уже вас не хочется жалеть. А когда вас не хочется жалеть, вы не в позиции жертвы. Вы не слабый. У вас просто есть особенность. Отличие. Это как цвет глаз. Да, у нас так. И в какой-то просто момент для себя нужно решить, что я не хочу навязывать комплексы своему ребенку ради того, чтобы угодить каким-то людям.

(00:30:16)

(заставка)

Зоя Бойцева: Это был подкаст «Не понаслышке» о нарушениях слуха у детей. Над подкастом работали: основатель организации «Я тебя слышу», я, Зоя Бойцева.

Алла Маллабиу: Я, Алла Маллабиу.

Зоя Бойцева: А также команда подкаст-студии «Две дорожки».

Алла Маллабиу: Проект реализован при поддержке Фонда президентских грантов.
(заставка)

София: Я – София, мне девять лет. У меня слуховые аппараты. Подпишитесь на этот подкаст, оставьте ему оценку и отзыв. Нажмите кнопку «Помочь» на сайте ihearyou.ru